

УДК 81:1

А.В. Кравченко

БИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА

Игнорирование биологической природы когниции и языка, характерное для ортодоксального взгляда на язык как знаковую (символическую) систему, представляет в науках о языке проблему общеметодологического характера. Ее преодоление возможно при биологическом подходе к языку как консенсуальным координациям консенсуальных координаций поведения, с упором на *реляционный* характер языковых взаимодействий, обеспечивающих единство социума как живой системы. В этой связи необходимо сформулировать новую повестку дня для наук о языке, которая должна, наконец, уйти от привычного дуалистического взгляда на соотношение сознания и языка.

Ключевые слова: языковой миф, консенсуальная область, живая система.

1. Введение

Если окинуть взглядом академический ландшафт в области изучения языка в последние 25-30 лет, мы увидим бесчисленное количество научных обществ и ассоциаций, которые ежегодно проводят по всему миру сотни конференций, посвященных исследованиям языка в самых разных аспектах. Результаты этих исследований публикуются в выходящих ежегодно тысячах научных книг и журналов, и подобная интенсивная научная деятельность наводит на мысль, что мы стоим на пороге грядущих радикальных перемен в понимании природы и функции языка, которые приведут к серьезным изменениям в нашей повседневной практике, сопоставимым по значимости с влиянием на нашу жизнь таких наук, как физика, химия или биология. Однако думать так – значит впасть в иллюзию: ведь ни для кого не секрет, что лингвистика в целом, включая ее различные направления, пока что не может похвастать ощутимыми результатами, сравнимыми с достижениями естественных наук. За короткий по историческим меркам период времени накопленное фундаментальными науками знание о том, как устроен мир, и выросшая из этого знания научно-техническая революция в буквальном смысле трансформировали жизнь человека. Что касается области гуманитарного знания, то здесь о каких-то революционных изменениях, повлиявших на существенные аспекты общечеловеческой практики, говорить пока не приходится. Но и надеяться, что такие изменения произойдут в ближайшем обозримом будущем, и количество перейдет в качество, тоже не стоит. В чем лежит основание подобного скептического взгляда, я надеюсь показать в данной статье.

2. Проблема с языком как системой символов

В лингвистике так называемого главного направления и, шире, в когнитивной науке, особенно когнитивной науке первого поколения [Gardner 1985], язык рассматривается как знаковая система, или система символов – набор абстрактных форм, которые каким-то образом соотносятся с аспектами окружающего мира, существующего независимо от нас как некая «объективная реальность». При таком подходе центральная проблема когнитивной науки – проблема значения – становится неразрешимой из-за другой, связанной с ней проблемы, так называемой «проблемы контекстуализации символа» [Harnad 1990], когда не удается получить более или менее осмысленный ответ на вопрос: «Каким образом устанавливается связь между абстрактными формами и конкретными, чувственно воспринимаемыми проявлениями материального мира?» Проблема контекстуализации символа вызвана, в свою очередь, тем, что, как абстрактные формы, символы (в особенности, графические артефакты в виде того, что принято называть письмом или письменным языком) отождествляются со знаками естественного языка – акустическими явлениями, интегрированными в человеческое поведение сложной динамики в реальном пространстве-времени и потому *никогда не являющимися абстрактными* (см.: [Deacon 2011]). Исходная посылка о том, что языки подобны некоторому устойчивому коду, лежит в основании *языкового мифа* – доктрины, утверждающей, что языки состоят из наборов определенных форм, используемых для «пересылки» сообщений от отправителя получателю [Harris 1981; Love 2004], а сама эта «пересылка» и составляет

существо языковой коммуникации, осуществляемой по каналу связи. Подобная убежденность институционализована не только в самой ортодоксальной¹ лингвистике, но и в принятой обществом системе образования. Из этой убежденности ученых-лингвистов произрастает разделяемая обществом иллюзия, что язык служит инструментом для передачи мысли. Хотя вполне возможно, что здесь имеет место обратная зависимость: закрепленная в языке наивная картина мира, в которой мы *обмениваемся мыслями, подбираем нужные слова для выражения мысли*, в которой язык *наперед ума рыщет*, или, наоборот, в которой мы что-то знаем, а сказать (выразить словами) не можем, держит научную лингвистическую мысль в плену заблуждения, что мир таков, каким его рисует нам язык. В любом случае, в противоположность прозорливым мыслям Л.С. Выготского [Выготский 1999], язык и мышление превращаются в манипулируемые, онтологически независимые друг от друга вещи: один – «где-то там», в так называемой «объективной реальности», а другое – «где-то здесь», в сознании/голове. Однако при этом мы не в состоянии определить в понятных терминах сферу неязыковых мыслей или идей, которые – в соответствии с ортодоксальными взглядами – кодируются языком.

Сформулированная Соссюром задача лингвистики как науки – изучение языка «в себе и для себя» – заведомо создала невозможность превращения лингвистики в науку, близкую естественным наукам в силу природы своего объекта. Определение языка как системы абстрактных символов, которая рассматривается и изучается как некая сама по себе существующая автономная система (предмет лингвистической семиотики), своей изначальной неполнотой препятствует постижению сущности языка как особого вида деятельности, имеющей биологическую функцию. Истинная природа языковых знаков продолжает ускользать от внимания языковедов благодаря унаследованной от структурализма твердой вере в то, что знаки – это искусственные, конвенциональные, произвольные по своей природе сущности, созданные человеком для целей

коммуникации. По этой причине *сущностные* свойства языка (см.: [Kravchenko 2007]) остаются, по большей части, вне поля зрения исследователей. Тем не менее, будучи знаковой системой (помимо прочих свойств, которыми он обладает), язык подвержен действию общих законов семиотики, а лингвистическая семиотика, занятая интерпретацией знаков в общетеоретических рамках структурализма, продолжает тормозить развитие общей теории языка как семиотического явления, характеризующего когнитивную (= жизненную) деятельность человека.

Внешний мир и то, как люди взаимодействуют с ним, как они его воспринимают и концептуализируют, с точки зрения структурализма – экстралингвистические факторы, не затрагивающие системы самого языка. Соответственно, знание о мире, которым владеет говорящий, тоже остается внешним по отношению к системе. Однако сколько бы лингвисты ни пытались постичь суть этой системы, их усилия не принесут нужных результатов до тех пор, пока внешний мир и знание о нем будут исключаться из предмета лингвистики и лингвистической семиотики. Любой знак, включая языковые знаки (вербальные структуры), является компонентом человеческого мира, и его изучение невозможно в отрыве от той среды, в которой он функционирует как знак в процессе языковых взаимодействий. Предложенное в свое время Чарльзом Моррисом [Morris 1938] деление языка на *конвенциональные* (и эту конвенциональность стоит подчеркнуть особо) области синтактики, семантики и прагматики (по типу изучаемых знаковых отношений) ортодоксальной лингвистикой было абсолютизировано в том плане, что синтактика и семантика получили статус лингвистических дисциплин, а прагматике была отведена роль «мусорной корзины» [Bar-Hillel 1971], поскольку отношение между знаками языка и пользователями знаков (конвенциональная область прагматики) выходит за рамки постулата «язык в себе и для себя». Растущее понимание того, что язык – это человеческое установление, не помогает пока преодолеть глубоко укоренившуюся веру в примат синтактики и семантики, а продолжающаяся уже несколько десятилетий дискуссия о том, что главное, семантика или прагматика, изначально лишена смысла (см.: [Kravchenko 2011]): ведь если язык – это код, прагматике здесь делать нечего вообще, а если язык – это сложная интегрированная система взаимодействий, имеющая биологическую основу, то о примате семантики (в ее традиционном лингвистическом понимании) не может быть и речи.

¹ Под «ортодоксальной» понимается лингвистика, унаследовавшая свои основные познавательные установки от аналитической философии и картезианского дуализма, которым противостоят, в частности, такие идеологии, как биология познания [Maturana 1970], радикальный конструктивизм [Glaserfeld 1995], интеграционизм [Harris 1996], распределенность когниции [Hutchins 1995] и распределенность языка [Cowley 2011], диалогизм [Linell 2009] и экологизм [Кравченко 2005; Hodges 2007; Kull 2011; Steffensen 2011].

Насквозь дуалистичная картина языка, которую нам рисует ортодоксальная лингвистика, в принципе исключает возможность прогресса в изучении *языкового поведения человека* как уникальной отличительной черты вида *homo loquens*. Несмотря на то что «человек, с точки зрения биологии – языковой организм» [Jennings & Thompson 2012: 33], ни природа языковой способности, как самого важного и загадочного когнитивного дара, которым обладает человек, ни роль языка в эволюционном развитии человека как биологического вида, которую подчеркивает, например, Терри Дикон [Deacon 1997, 2005], не поняты до конца и не объяснены лингвистами. Мифы, которыми живет лингвистика, цепко держат нас в своем плену, а размышления о языке на уровне здравого смысла, *осуществляемые на этом же самом языке*, зачастую выдаются за научное объяснение. Как подчеркивает Том Гивон, лингвистика с самого своего зарождения как науки испытывает фатальное влечение к структурализму, подменяя объяснение описанием или его формализацией: «Этот злой дух подчиняет себе лучших из нас, как функционалистов, так и формалистов, заставляя искать неуместные модели в физике, математике и компьютерной науке. И он заслоняет от нас мать всех дисциплин в изучении сознания, поведения и разнообразия – биологию» [Givón 2009: xviii].

Язык неотделим от человеческой биологии и человеческого образа жизни. В противоположность ортодоксальному взгляду на язык, в соответствии с которым идентификация знаковой формы осуществляется отдельно от идентификации значения, а формам приписывается способность осуществлять денотативную функцию, необходимо понять и признать, что знак, значение и знание изначально связаны между собой отношениями взаимозависимости и взаимообусловленности [Кравченко 2001]: наука зависит от знаний как продукта деятельности человека как биологической системы, а сами знания выполняют биосоциальные функции, укорененные в реляционной динамике (динамике взаимодействий между биологическими системами). До тех пор, пока не будет определен характер этой динамики и ее особенности, нельзя надеяться на достижение целей, которые ставит перед собой наука о языке.

3. Язык как консенсуальная область

Следуя семиотической традиции Чарльза Пирса, обогащенной работами Терри Дикона о природе символического значения [Deacon 2003,

2011], и основываясь на биологии познания Умберто Матураны [Maturana 1970; Kravchenko 2011a], можно с достаточным основанием утверждать, что вербальные структуры, или естественные языковые знаки, *индексальны по своей природе*; они контекстуализированы потоком чувственно данных явлений, образующих консенсуальную область первого порядка. Вообще, эта идея высказывалась в трудах целого ряда мыслителей. Так, Дж. Локк подчеркивал, что, «будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей» [Локк 1960: 403]. О присущей словам естественного языка указательности (индексальности) писали Б. Рассел [Russell 1949], У. Куайн [Quine 1974], Г.-Н. Кастанеда [Castañeda 1981, 1990] и др., но должного внимания эта чрезвычайно важная мысль не получила.

С точки зрения развития семиотических идей, известная Пирсова триада из иконы, индекса и символа часто – и неточно – интерпретируется как жесткая иерархическая система *тел знаков* (знакоформ), а именно, языковые знаки (такие, например, как слова) определяются как символические, индексальные, либо иконические. Однако подход Пирса основывался на том, *как* следует интерпретировать ту или иную знакоформу в конкретном случае ее употребления. Как подчеркивает Терри Дикон, символическая функция языкового знака становится возможной лишь благодаря ее *укорененности* в индексальной референции:

«Тогда как иконическая референция обеспечивается формальным сходством между телом знака и тем, что он репрезентирует, а индексальная референция обеспечивается смежностью, корреляцией или каузальной связью, символическую референцию часто просто описывают как не зависящую от какого-либо сходства или физической связи между телом знака и его референтом. Подобная негативная характеристика символической референции, часто предстающая в карикатурном виде как чисто произвольное отношение, создает ложное впечатление, что символическая референция – это всего лишь простое неопосредованное соотношение» [Deacon 2011: 394].

Полагать, что языковые знаки индексальны по своей природе – значит поставить под вопрос их изначальный символизм как главный решающий фактор, влияющий на понимание того, как работает язык и как язык соотносится с сознани-

ем, т.е. усомниться в том, что составляет отличительный знак когнитивной науки первого поколения вообще, и генеративной лингвистики в частности, рассматривающих разумную деятельность как некие символические процессы, включающие репрезентации [Fodor 1975; Pylyshyn 1999]. Означающая функция языковых знаков не возникает из их прямого отношения к объективному миру; она возникает из *человеческого опыта* как основы знания. Язык не может быть полностью свободен от контекста, а всякая конкретная контекстуализация по-своему уникальна. Для ребенка, овладевающего языком, языковые структуры функционируют, прежде всего, как иконы и индексы – т.е. знаки, укорененные в перцептивных процессах – тем самым обеспечивая чувственную контекстуализованность языка как деятельности ориентирующего характера в консенсуальной области взаимообусловленных поведений. Эта контекстуализованность позволяет нам использовать вербальные структуры как элементы консенсуальной области первого порядка в отсутствие самой консенсуальной области; в результате возникает консенсуальная область второго порядка – область языка как способа функционирования в консенсуальных координациях консенсуальных координаций поведения, или *языкового поведения*¹: «Языковое поведение – это поведение в консенсуальной области» [Maturana 1978].

Термин «консенсуальный» относится к чувственно разделяемой области взаимодействий между организмами, которая является для них общей в том смысле, что они подвержены воздействию одних и тех же чувственных стимулов в одной и той же физической среде. В более привычных терминах «консенсуальная область» может быть охарактеризована как *общий (разделяемый) контекст (физический, социальный, культурный и т.п.), в котором протекают взаимодействия*. Понятие консенсуальной области важно для понимания биологии познания и когнитивной природы языкового поведения, которые не замыкаются исключительно на индивидуальных особенностях организации человека как живой системы, но укоренены в интеракциональных по-

веденческих структурах (взаимодействиях с другими наблюдателями). Таким образом, ключевое понятие консенсуальной области оказывается близким *экологическому взгляду* на язык [Кравченко 2005, 2011; Ross 2007; Hodges 2007, 2011; Steffensen 2011].

Язык является *консенсуальной* областью второго порядка потому, что высказывания, контекстуализированные чувственным опытом говорящего (или опытом от первого лица), ориентируют каждого из вовлеченных в языковые взаимодействия индивидов относительно их консенсуальной области первого порядка. Эта ориентированность на консенсуальную область первого порядка позволяет создать основу для понимания через референцию к схожему индивидуальному опыту. Как вид биологического (адаптивного) поведения, предопределенного для каждого индивида его уникальной историей структурного сопряжения с его когнитивной нишей (тем или иным окружением, в котором он существует как единство взаимодействий), языковое поведение не может быть истолковано иначе, нежели в контексте системы организм – среда [Järvillehto 1998]. Значение не является чем-то автономным; оно суть отношение между организмом и средой, определяемое ценностью, которую конкретные аспекты среды имеют для организма [Zlatev 2003].

Любая нервная система поддерживает иконическую и индексальную референцию как смыслопорождающий процесс взаимодействий со средой. Тем не менее, организмы, обладающие нервной системой, не могут выйти за узкие пределы своей консенсуальной области первого порядка. Для того чтобы это стало возможным необходимо язык как консенсуальная область второго порядка, не ограниченная пределом «здесь-и-сейчас» физического контекста коммуникативных взаимодействий. Свобода от этого предела, как она видится наблюдателю, составляет отличительную особенность символов как *координаций координаций поведения*. Символическая функция языковых знаков, которую ортодоксальная лингвистика видит в произвольном соединении формы и значения – *эмерджентное свойство*. Она возникает с возникновением языка как консенсуальной области второго порядка, в которой элементы консенсуальной области первого порядка (перцептуально укорененные в физическом контексте языковые знаки – иконы и индексы) используются *в отсутствие* консенсуальной области. Поскольку индексальность, если прибегнуть к терминологии биологии познания, по определению является

¹ В современной англоязычной литературе все большее распространение получает термин *languageing*, введенный в обиход У. Матураной [Maturana 1988] для того, чтобы подчеркнуть динамику языкового поведения, которое возникает в консенсуальной области взаимодействий. Тем самым языковое поведение (*languageing*) противопоставляется языку (*language*) в его этимологическом значении – ‘что-то проделываемое языком (*tongue*)’ (фр. *langue* + *-age* «относящийся к»).

консенсуальным свойством, подход к понятию знака с этой точки зрения не оставляет места для идеи кодовой эквивалентности как непосредственного соответствия (см.: [Kravchenko 2007]), и доктрина, согласно которой язык – это устойчивый код, оказывается содержательно пустой.

Взгляд на язык, предлагаемый в биологии познания, существенным образом отличается от традиционного тем, что, подчеркивая роль и значимость интеракциональной динамики, он предполагает не денотативную, а коннотативную природу языка. Понятие консенсуальной области, в которой протекают языковые взаимодействия, позволяет определить функцию языка, состоящую в том, чтобы *модифицировать среду, в которой находится организм, посредством модификации поведения других организмов через консенсуальные координации консенсуальных координаций поведения*. Поскольку такие понятия, как репрезентация, значение, описание и подобные им применимы только и исключительно в отношении функционирования живых систем в консенсуальной области наблюдателей, существующих в языке, проблема значения в целом предстает под иным углом зрения, заставляя пересмотреть саму диалектику знания. В биологии познания значение не есть нечто существующее «где-то там», в ожидании, когда его обнаружат, идентифицируют и «снимут» как созревший плод – задача, которую семантические теории, разработанные в русле аналитической философии, так и не смогли решить. Напротив, как подчеркивает Франсиско Варела, «живые существа и их миры значений соотносятся друг с другом через взаимную спецификацию и детерминацию. Так, то, что мы описываем как характерные для среды значащие закономерности, не является внешними свойствами, подвергшимися интернализации, как полагает доминирующий в когнитивной науке репрезентационализм. Эти значащие закономерности представляют собой результат совместной истории, конгруэнтность, возникающую из долгой истории взаимной детерминации» [Varela 1992: 14].

В биологии познания знание и сознание суть экспланаторные понятия, возникающие из наших операций различения как описаний наблюдаемых процессов, детерминированных когнитивной структурой организма (см.: [Kravchenko 2011a]). Эта структура является результатом истории сопряжения организма со средой в ходе взаимодействий в консенсуальной области. Важнейшей частью когнитивной структуры является нервная система, особенности ее функционирова-

ния и состояния. Возникающие в процессе когнитивной (= жизненной) деятельности и сохраняющиеся во времени состояния относительной нейронной активности участков нервной системы (но отнюдь не некие мифические «ментальные образы») образуют репрезентации как единицы опыта/памяти, которые могут быть элементарными или сложными [Кравченко 2001]. В свою очередь сложные репрезентации можно рассматривать как структуры знания или концепты [Кравченко 2005a]. Возможность взаимодействий с этими структурами, по-видимому, лежит в основании мыслительных процессов как области нефизических взаимодействий. Отличие человеческого мышления от ментальных процессов у других живых существ состоит в том, что у человека в формировании репрезентаций участвуют взаимодействия с языковыми знаками как элементами консенсуальной области первого порядка. Опыт языковых взаимодействий входит составной частью в структуру концепта, в которой присутствуют перцептивная, сенсомоторная, проприоцептивная, эмоциональная и языковая составляющие [Кравченко 2011б]. Как компоненты консенсуальной области первого порядка, языковые знаки контекстуализируют когнитивную структуру организма, обеспечивая референцию к общему опыту, разделяемому взаимодействующими организмами. Тем самым операции над языковыми знаками, совершаемые в ходе языковых взаимодействий, подразумевают взаимодействие с остальными компонентами сложных репрезентаций, делая языковой знак «окном» в скрытый от наблюдения мир ментального.

Как когнитивное явление, значение языкового знака нельзя определить иначе, чем некоторый ассоциативный потенциал, представляющий, по существу, память индивида о предыдущих использованиях того или иного знака. Значение знака специфицируется и совместно детерминируется в ходе взаимодействий в консенсуальной области. Некоторая сущность становится знаком, приобретая ценность, которая возникает как результат этих когнитивных взаимодействий. Следовательно, точно так же, как слово (тело языкового знака), которое само является физической сущностью, может быть знаком другой сущности, любая физическая сущность может служить (неязыковым) знаком слова. Кругообразность и взаимная каузальность, являясь специфицирующими свойствами человека как живой системы, ведут к *семиотическому умножению мира* [Kravchenko 2003]. Современные теории познания должны учитывать реальность этих множественных миров.

4. Языковое сообщество как живая система

Для когнитивизма как доминирующего направления в науке о природе человеческого разума характерно исходное дуалистическое положение о том, что на самом деле существует явление, называемое «язык», которое онтологически независимо от явления, называемого «разум». Между тем понять, что такое разум, нельзя без и вне языка как способа функционирования в консенсуальной области. Понятие разумности, а также такие понятия, как сознание, мышление и интенциональность, «соответствуют проводимым нами различениям между разными аспектами нашей реляционной динамики, характерной для нашего функционирования как человеческих существ, и как таковые они не находятся в наших телах, равно как и не являются локализуемыми функциями мозга» [Maturana, Mpodozis & Letellier 1995: 24].

Языковые взаимодействия являются реляционными по своему характеру. В силу того, что человеческий организм – это структурно детерминированная система, то, что происходит в языке как консенсуальной области, образующей реляционное пространство, также становится частью области изменений нервной системы человека, которые и являются нам в виде взаимных модуляций разума/тела. Таким образом, язык не находится ни в головах индивидов, ни «где-то там», в так называемой объективной реальности; он радикальным образом распределен в пространстве-времени [Cowley 2011], позволяя человеческому обществу сохранять свое единство как живой системы третьего порядка.

Взгляд на язык как распределенное в пространстве-времени явление предполагает акцент на языке как ключевом аспекте социальной (диалогической) деятельности, распределенной по разным временным шкалам. В рамках необъективистской парадигмы объектом коммуникации является отнюдь не референциальное положение дел в так называемой объективной реальности, а координация действий между взаимодействующими когнитивными субъектами; ключевыми понятиями в этом случае становятся ориентирование другого, контекст, взаимодействие и семиотическое опосредование [Linell 2009]. Как подчеркивает Стивен Коули [Cowley 2007], языковая деятельность жестко ограничена нашей чувствительностью к обстоятельствам и нашими навыками по использованию множества культурных конструкторов второго порядка.

В терминах Умберто Матураны, если отдельный человек – это живая система второго по-

рядка (по сравнению, например, с одноклеточными организмами как живыми системами первого порядка), то человеческие сообщества – это живые системы третьего порядка. Поскольку в своей организации живые системы третьего порядка все больше зависят от текстов как культурных конструкторов, появление письменности ведет к возникновению новой экологии (см.: [Bang et al. 2007; Kravchenko 2009]).

Как единство взаимодействий, живая система третьего порядка сохраняется благодаря реляционной области языкового поведения, что схематически представлено на рисунке 1. В такой системе человеческие индивиды – каждый в своей конкретной физической среде (показана на рисунке сплошным кругом) – устанавливают консенсуальную область взаимодействий с другими (зоны пересечения кругов на рисунке). Поскольку эти области взаимодействий включают языковые взаимодействия (на рисунке показаны пунктирными овалами), возникает реляционная область, границы которой намного превосходят физические границы той ниши, в которой функционирует отдельный индивид.

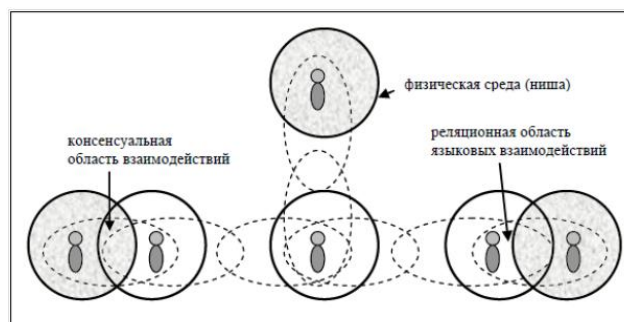

Рис. 1. Сообщество индивидов как единство языковых взаимодействий

Языковое поведение живой системы третьего порядка протекает в реляционной области, существование которой зависит от сохранения непрерывности пространственно-временных связей между элементами системы. В противном случае, если связи между индивидами в области коммуникативных взаимодействий обрываются на длительное время, единство сообщества исчезает, и одна живая система распадается на две или большее количество систем (рисунок 2). В истории человечества можно найти много примеров такого распада, в результате которого появляется то, что принято называть диалектами. С течением времени диалекты могут стать новыми языками, с которыми ассоциируются соответствующие общества/культуры/народы.

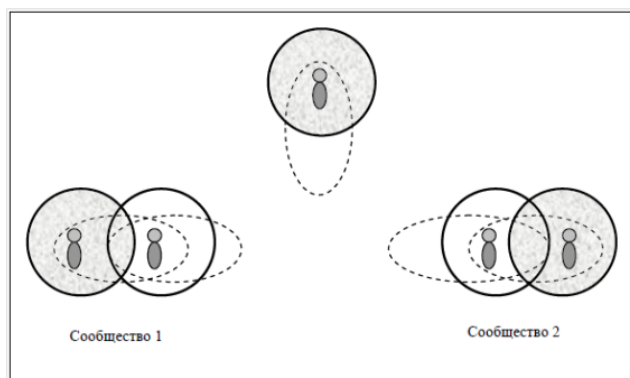

Рис. 2. Распад живой системы третьего порядка как единства языковых взаимодействий

5. Новая повестка дня для наук о языке

Будучи вовлеченными в интерсубъектное поведение, наши контекстуализирующие тела подсказывают нам, как пользоваться голосом, вступать в контакт с другими и, в конце концов, действовать в соответствии с теми ограничениями, которые мы воспринимаем как языковые структуры [Cowley 2004]. С этой точки зрения становление человека следует рассматривать как процесс развития, в ходе которого мы научаемся – нет, не «усваивать» язык как инструмент для выражения мысли об объективной реальности, «репрезентированной сознанию» – а принимать языковую стойку, когда мы научаемся действовать в человеческом мире [Cowley 2011]. Язык одновременно социален, индивидуален и дает нам ощущение того, что мы мыслим. Как реляционная область взаимодействий, язык – это там, где мы существуем как люди.

Предложенное Матураной понимание языка как области консенсуальных координаций консенсуально координированных взаимодействий позволяет наукам о языке уйти от устаревшего, непродуктивного взгляда на язык как фиксированную систему символов, или код, используемый в качестве инструмента для общения. Существо языковой коммуникации состоит не в обмене мыслями, информацией или знаниями, но в оказании ориентирующего воздействия на других и себя в ходе языковых взаимодействий как консенсуальных координаций консенсуальных координаций поведения. Поэтому исследователям языка как когнитивного явления нужно сосредоточиться на том, как реляционная динамика языковых взаимодействий провоцирует изменения в нервной системе и в организме в целом, и каким образом их взаимная каузальность различается и описывается говорящим наблюдателем в терминах разума, интеллекта, сознания и самосознания. Для этого нужно радикально пересмотреть пове-

стку дня наук о языке. Пора отказаться от устаревшего дуалистического подхода к языку и когнитивности, взамен которого надо определить новые концептуально-теоретические рамки для когнитивных исследований языка. Построенная в этих рамках теория должна быть в состоянии объяснить язык как биологически, социально и экологически обусловленное интеракционное поведение, в котором рождается интеллект. Предметной областью наук о языке должна стать биологическая реальность языка – в этом залог преодоления методологического застоя и выхода когнитивной науки на новые рубежи познания. В том, что это обязательно произойдет, лично я не сомневаюсь. Вопрос в том, когда это произойдет. Наверное, еще не скоро.

Список литературы

- Выготский Л.С. Мышление и речь. 5 изд., испр. М.: Лабиринт, 1999.
- Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кравченко А.В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 10 Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2005. С. 59-63.
- Кравченко А.В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи: Жанр и концепт. Вып. 4. Саратов: Колледж, 2005а. С. 84-102.
- Кравченко А.В. Экология языка и языковая политика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 13. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2011. С. 24-29.
- Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.; Тамбов, 2011а. С. 96-104.
- Кравченко А.В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы 1 Международной конференции. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011б. С. 248-251.
- Bang J.C., Door J., Steffensen S.V., Nash J. Language, Ecology and Society: A dialectical approach. London: Continuum, 2007.
- Bar-Hillel Y. Out of the pragmatic wastebasket // Linguistic Inquiry, 2, 1971. P. 401-407.
- Castañeda H.-N. The semiotic profile of indexical (experiential) reference // Synthese, 49, 1981. P. 275-316.

Castañeda H.-N. Indexicality: The transparent subjective mechanism for encountering a world // *Nous*, 24, 1990. P. 735-749.

Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition // *Language Sciences*, 26 (6), 2004. P. 565-591.

Cowley S.J. Cognitive dynamics and distributed language // *Language Sciences*, 29 (5), 2007. P. 575-583.

Cowley S.J. (ed.). *Distributed language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011.

Cowley S.J. Taking a language stance // *Ecological Psychology*, 23(3), 2011a. P. 185-209.

Deacon T.W. *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain*. W.W. Norton & Co., 1997.

Deacon T.W. Universal grammar and semiotic constraints // M.H. Christiansen & S. Kirby (eds.), *Language Evolution*. Oxford University Press, 2003. P. 111-139.

Deacon T.W. Language as an emergent function: some radical neurological and evolutionary implications // *Theoria*, 54, 2005. P. 269-286.

Deacon T.W. The symbol concept // M. Tallerman & K. Gibson (eds.), *The Oxford Handbook of Language Evolution*. Oxford University Press, 2011. P. 393-405.

Fodor J.A. *The Language of Thought*. N.Y.: Crowell, 1975.

Gardner H. *The Mind's New Science: A history of the cognitive revolution*. N.Y.: Basic Books, 1985.

Givón T. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009.

Glasersfeld E. von. *Radical Constructivism: A way of knowing and learning*. L.: Falmer Press, 1995.

Harnad S. The symbol grounding problem // *Physica*, D 42, 1990. P. 335-346.

Harris R. *The Language Myth*. L.: Duckworth, 1981.

Harris R. *Signs, Language and Communication: Integrational and segregational approaches*. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

Hodges B.H. Good prospects: ecological and social perspectives on conforming, creating, and caring in conversation // *Language Sciences*, 29 (5), 2007. P. 584-604.

Hodges B.H. Ecological pragmatics: values, dialogical arrays, complexity and caring // S.J. Cowley (ed.), *Distributed Language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 135-160.

Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 33, 1998. P. 321-334.

Jennings R.E., Thompson J.J. The biological centrality of talk // A. V. Kravchenko (ed.), *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 33-63.

Kravchenko A.V. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective // *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 1, 2003. P. 179-191.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*, 29 (5), 2007. P. 650-671.

Kravchenko A.V. Speech, writing, and cognition: the rise of communicative dysfunction // W. Oleksy and P. Stalmaszczyk (eds.), *Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data / Studies in honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk*. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2009. P. 225-240.

Kravchenko A.V. The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language // A. Kiklewicz (red.), *Język poza granicami języka II. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2011. P. 11-23.

Kravchenko A.V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // *Constructivist Foundations*, 6 (3), 2011a. P. 352-362.

Kull K. Foundations for ecosemiotic deep ecology // T. Peil (ed.), *The Space of Culture – the Place of Nature in Estonia and Beyond / Approaches to Culture Theory 1*. Tartu: Tartu University Press, 2011. P. 69-75.

Linell P. *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009.

Love N. Cognition and the language myth // *Language Sciences*, 26, 2004. P. 525-544 [Рус. перевод: Лав Н. Когниция и языковой миф // А.В. Кравченко (ред.), *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы* (Studia linguistica cognitiva. Вып. 1). М.: Гнозис, 2006. С. 105-134.]

Maturana H.R. *Biology of Cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.

Maturana H.R. *Biology of language: The epistemology of reality* // G. Miller and E. Lenneberg (eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. N.Y.: Academic Press, 1978. P. 28-62.

Maturana H.R. Reality: the search for objectivity or the quest for a compelling argument // *The Irish Journal of Psychology*, 9 (1), 1988. P. 25-82.

Maturana H., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*, 28, 1995. P. 15-26.

Morris C.W. Foundations of the theory of signs // O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris (eds.). *International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 1, part 2. Chicago, 1938.

Pylyshyn Z.W. What's in your mind? // E. Lepore and Z. Pylyshyn (eds.). *What Is Cognitive Science?* Blackwell, 1999. P. 1-25.

Ross D. Homo sapiens as ecologically special: what does language contribute? // *Language Sciences*, 29 (5), 2007. P. 710-731.

Russell B. *Human Knowledge: Its scope and limits.* London: George Allen & Unwin, 1949.

Quine W.V. *The Roots of Reference.* La Sale, Ill.: Open Court, 1974.

Steffensen S.V. Beyond mind: An extended ecology of languaging // S.J. Cowley (ed.). *Distributed Language.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 185-210.

Varela F. Autopoiesis and a biology of intentionality // B. McMullin & N. Murphy (eds.). *Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352.* Dublin, 1992. P. 4-14

Zlatev J. Meaning = life (+ culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning // *Evolution of Communication*, 4 (2), 2003. P. 253-296 [Рус. перевод: Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): Набросок единой биокультурной теории значения // А.В. Кравченко (ред.). *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы* (*Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1). М.: Гнозис, 2006. С. 308-361].

A.V. Kravchenko

THE BIOLOGICAL REALITY OF LANGUAGE

Ignoring the biology of cognition and language characteristic of the orthodox view of language as a symbolic system is fraught with grave methodological danger. This danger can be avoided by taking a biological approach to language as consensual coordinations of consensual coordinations of behavior, with an emphasis on the relational nature of linguistic interactions that sustain the unity of society as a living system. With this in view, a new agenda for the language sciences is called for which it must depart from the old dualistic view of the relationship between mind and language.

Key words: language myth, consensual domain, living system.